1972 г.

9 5 0

МРТУ 19 №: 183—65

0

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—765

М. ЛЕРМОНТОВ

Ашик-Кериб

Турецкая сказка

ХУДОЖНИК
Р. СТОЛЯРОВ

Давно тому назад, в городе Тифлисе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери.

Хороши звёзды на небеси, но за звёздами живут ангелы, и они ещё лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиса.

Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых.

На одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга — первая красавица Тифлиса и бедный ашик.

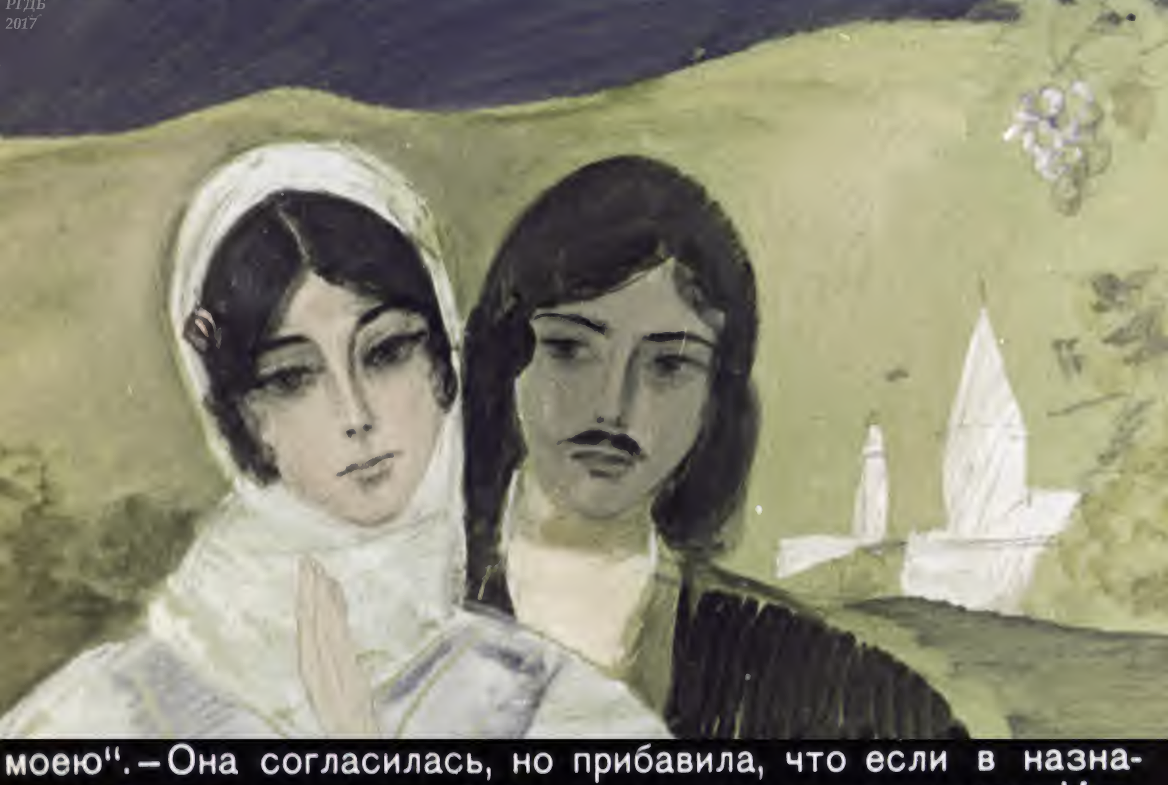
Но мало было надежды у Ашик-Кериба получить её руку, – и он стал грустен, как зимнее небо. Вот раз лежал он в саду под виноградником. В это время шла мимо Магуль-Мегери со своими подругами, увидела его и подошла, стала спрашивать, почему он печален.

–„Как мне не грустить, – отвечал Ашик-Кериб, – я тебя люблю, но ты никогда не будешь моею". – „Проси мою руку у отца моего, – говорила она, – и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоём достанет".

–„Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан? Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство.

моею". – Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернётся, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за неё сватается.

Пришёл Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу её благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох страннический и вышел из города Тифлиса.

И вот догоняет его всадник; он смотрит – это Куршуд-бек. – „Добрый путь, – кричал ему бек, – куда бы ты ни шёл, странник, я твой товарищ". – Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать.

Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни брода. – „Плыви вперёд, – сказал Куршуд-бек, – я за тобою последую“. – Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. 12

Переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! — Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлис, только пыль вилась за ним змеёю по гладкому полю.

Прискакав в Тифлис, несёт бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. – „Твой сын утонул в глубокой реке, – говорит он, – вот его одежда“. – Упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами.

Потом взяла их и понесла к наречённой невестке своей, Магуль-Мегери. – „Мой сын утонул, – сказала она ей, – Куршуд-бек привёз его одежды; ты свободна“.

Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: „Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем“.

Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришёл бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни.

Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду.

Прибыл он наконец в Халаф. В это время жил в Халафе паша́, большой охотник до песельников; многих к нему приводили – ни один ему не понравился. Услыхали его ча́уши (слуги) про Ашик-Кериба, прибежали к нему. – „Иди с нами, – закричали они, – или ты отвечаешь нам головою“.

–Я человек вольный, странник из города Тифлиса,–говорит Ашик-Кериб,–хочу пойду, хочу нет; пою, когда придётся, и ваш паша мне не начальник.

Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. – „Пой“, – сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба.

Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нём богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду.

Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с караваном из Тифлиса с сорока верблюдами и восемьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе...

...и даёт ему золотое блюдо. – „Возьми ты это блюдо, – говорит она, – и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом“.

Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф.

Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай и видит золотое блюдо в лавке тифлисского купца.–„Это моё“,–сказал он, схватив его рукою.

–Точно, твоё,–сказал купец,–я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлис, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого.

В отчаянии Ашик-Нериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собой суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня.

Измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что было делать? От Арзиньяна до Тифлиса два месяца езды, а оставалось только два дни.

– Аллах всемогущий, – воскликнул Ашик, – если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать. – И хочет он броситься с высокого утёса.

Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: „Оглан, что ты хочешь делать?“ – „Хочу умереть“, – отвечал Ашик. – „Слезай же сюда, если так, я тебя убью“.

Ашик спустился кое-как с утёса. – „Садись сзади на коня моего, – сказал всадник, – и говори всю правду, куда тебе нужно ехать". – „Хоть бы в Арзерум попасть нынче", – отвечал Ашик. – „Закрой же глаза". – Он закрыл.

– „Теперь открой". – Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума. – „Виноват, Ага, – сказал Ашик, – я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс".

– То-то же, – отвечал всадник, – я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза. Теперь открой.

Ашик себе не верит – то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: „Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по-настоящему надо в Тифлис“.

– Экой ты неверный, – сказал сердито всадник, – но нечего делать, прощаю тебе; закрой же глаза. Теперь открой, – прибавил он по прошествии минуты.

Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиса. Взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: „Ага, благодеяние твоё велико, но сделай ещё больше; если я буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлис, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство“.

–Наклонись, – сказал всадник, – и возьми из-под копыта коня комок земли; и если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза – и она увидит.

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: „Ана, ана (мать), отвори, это я, твой странствующий сын, вернулся".

Слабый голос старухи отвечал ему: „Уходи, странник. Нет у меня сына. Вот уже семь лет как я от слёз потеряла зрение, когда оплакивала его гибель".

Напрасно он называл себя её сыном, но она не верила, и тогда он просит: „Позволь мне, матушка, взять сааз, что висит у тебя на стене, я слышал, здесь близко есть свадьба, сестра меня проводит; а если хоть одна струна порвётся – отвечаю моим имуществом“, – и передал ей суму с монетами.

Магуль-Мегери в эту ночь должна была сделаться женою Куршуд-бека. Сидя за богатою чапрой с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека.

И слышит она, что пришёл незнакомец, который говорил: „Селям алейкюм! вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню". – „Что ж, – сказал Куршуд-бек, – спой что-нибудь". 44

И странник запел: „Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз – в городе Арзеруме; перед захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз – в Тифлисе. Аллах дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери“.

Тогда Магуль-Мегери бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. — „Я узнала милый мне голос", — сказала она; и, взяв ножницы, она прорезала чапру и бросилась на шею Ашик-Керибу.

Брат Куршуд-бека выхватил кинжал, чтобы заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его и сказал певцу: „Теперь видно, что ты Ашик-Кериб, но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?"

– В доказательство истины, – отвечал Ашик, – сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уже не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение.

Сестра Ашик-Кериба, услышав это, побежала к матери. – „Матушка, – закричала она, – это точно брат мой и твой сын Ашик-Кериб“, – и привела старуху на пир свадебный.

Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, намазал матери глаза, и она прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

В радости Ашик-Кериб сказал ему: „Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу! Сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; возьми её за себя – и будьте счастливы, как я с моей Магуль-Мегери“.

Конец

Сценарий В. Савченко
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1972 г.
Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-288-72